

ВАЛЕРИЙ СУРОВЦЕВ

Ещё раз о *proposition*¹

Статьи У. В. Куайна, предваряющие представленный ниже материал, приведены здесь не случайно. Их цель вновь обратить внимание читателя на проблемы перевода, причём не только радикального. Многие поднятые в них вопросы касаются любого перевода и, особенно, перевода философского. Относительно последнего проблемы даже более сложны, поскольку в дело ко всему прочему вмешиваются философские установки и предпочтения самого переводчика. Здесь не работает ссылка на то, что переводчик должен быть переводчиком, а не интерпретатором. Для подтверждения этого достаточно сравнить разные переводы одного и того же философского текста. Однако моя задача здесь заключается не в общей оценке ситуации. Любая дискуссионная тема должна предполагать разные позиции и, быть может, содержание данной заметки, дополняя статьи У. В. Куайна материалами частного случая, послужит их отчётливой формулировке.

То, что следует ниже, во многом инспирировано дискуссией с г-ном Е. Е. Ледниковым, имевшей место на страницах журналов *Вопросы философии* и *Логос*². Однако я не собираюсь отвечать здесь на выпады оппонента, в том числе и по поводу принятой мной терминологии, которые часто носили характер далёкий от научной дискуссии. На примере одного термина мне хотелось бы показать, что не всё так просто, как представляется г-ну Ледникову. Термин *proposition*, для которого в своих переводах и работах я использовал кальку «пропозиция», выбран мной не случайно, и это связано не только с тем, что г-н Ледников считает, что «такого русского слова как “пропозиция” нет», слово «философия», например, тоже не русское. И если вопрос ставит так, то скорее всего всё сведётся к допустимости калек. Дело крайне осложняется, если мы обратимся к генезису этого термина и традиции его перевода на другие языки. В силу поставленной задачи моя аргументация во многом будет иметь характер апелляции к авторитету и с неизбежностью включать обширные цитаты. Тем не менее, я надеюсь показать, что с переводом *proposition* на русский язык как «суждение» не всё так очевидно, как считает Е. Е. Ледников, хотя такой перевод и имеет известную традицию.

Этот перевод был использован в ряде логических и логико-философских публикаций конца 50-х — начала 60-х годов прошлого века. Особое значение

¹ Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ (№ 03-03-00363а) и РФФИ (№ 03-06-80359).

² См.: *Вопросы философии* № 7, 2000 г. и № 12, 2001 г.; *Логос* № 2(37), 2003 г. и № 1(41), 2004 г.

здесь имели книги А. Чёрча и Р. Карнапа³. Поскольку в первой из них содержится очень важный пассаж о генезисе смысла термина *proposition*, начну именно с неё. Цитирую:

Смысл *sentence* можно описать как то, что бывает усвоено, когда понято предложение, или как то, что имеют общего два *sentences* в различных языках, если они правильно переводят друг друга...

Всякий *concept* истинностного значения, в содержание которого входит *быть истинностным значением*, называется *proposition* независимо от того, является ли он смыслом какого-либо предложения в одном из рассматриваемых языков. (Это наш перевод термина Фреге *Gedanke*.)

Таким образом, *proposition* в нашем понимании этого термина есть абстрактный предмет той же самой степени общности, что и класс, число или функция. Он лишён психологического оттенка, свойственного *propositio mentalis* Уильяма Оккама или традиционному *judgment*: по словам Фреге, объясняющего свой термин *Gedanke*, он обозначает «nicht das subjective Thun des Denkens, sondern dessen objectiven Inhalt, der fdhig ist, gemeinsames Eigenthum von Vielen zu sein».

Традиционные (послесхоластические) логики имели обыкновение определять *proposition* как *judgment*, выраженное словами, т.е. как лингвистическое образование, как *sentence* или же как *sentence*, взятое в связи с его содержанием. Но в обычном английском языке слово *proposition* уже давно употреблялось скорее как содержание (в наших терминах — смысл) *sentence*, и в конце концов и логики начали употреблять этот термин в том же смысле. Таков счастливый результат процесса, который исторически объясняется частично стремлением избежать смешения *sentences* самих по себе с содержанием *sentences*. Это даёт возможность проводить в английском языке такие различия, которые трудно передать на другом языке, и позволяет перевести термин Фреге *Gedanke* термином, который меньше, чем слово *thought*, способен вводить в заблуждение (Стр. 32).

При цитировании я намеренно оставил важную для последующего обсуждения терминологию непереведённой, преследуя как минимум две цели: во-первых, для демонстрации связи *proposition* с другими терминами; во-вторых, для того, чтобы читатель сам смог оценить насколько удачным оказался перевод, учитывая при этом характер аргументации переводчиков. Приведём также и то, что пишет по этому поводу Карнап:

Часто говорят, что *declarative sentences* выражает *proposition*. Мы принимаем это употребление слова «*proposition*»; это значит, что мы употребляем это слово не для *sentences* или для *sentences* вместе с их *meaning*, а для тех объектов, которые сами являются внеязыковыми, но которые, если они получают выражение в языке, выражаются *declarative sentences* (Стр. 62).

Крайний интерес представляют собой комментарии переводчиков на эти пассажи, обосновывающие выбор русских соответствий. Редактор перевода книги Чёрча пишет:

Английский термин «*proposition*», означающий в этой книге то, что может быть смыслом предложения, являющегося истинным или ложным, переводится русским термином «суждение». При этом, очевидно, принимается расширительное истолкование термина «суждение» по сравнению с истолкованием этого термина в отечественных руководствах по логике, где, как правило, рассматриваются лишь суждения, имеющие субъектно-предикатную структуру. Новое истолкование лишь расширяет старое, но не противоречит ему, поскольку всякое суждение в старом понимании яв-

³ Чёрч А. Введение в математическую логику. — М.: ИЛ, 1960 [перевод В. С. Чернявского, под редакцией В. А. Успенского]; Карнап Р. Значение и необходимость. — М.: ИЛ, 1959 [перевод Н. В. Воробьева, под редакцией Д. А. Бочвара].

ляется суждением в новом понимании. Совместное употребление терминов «суждение» и «предложение» — так, как это получилось в русском издании книги Чёрча в результате принятого перевода терминов «proposition» и «sentence», — согласуется, по видимому (с учётом указанной расширительности истолкования), с употреблением этих терминов в отечественной литературе (Стр. 10).

Комментаторы перевода книги Карнапа, так же как и Чёрч, указывают на двойное понимание *proposition*: «В настоящее время термин “proposition” употребляется в двух смыслах: I — в традиционном смысле “суждения (judgment), выраженного в словах”; II — более современном смысле “инварианта значения, содержащегося в различных переводах одного и того же предложения”» (Стр. 363). При рассмотрении генезиса этого различия они ссылаются на схоластическую традицию (в частности, Боэция, употреблявшего этот термин в первом смысле), Канта (который для первого смысла использовал *Satz*, а для второго — *Urtheil*), Больцано (который первым наиболее отчётливо провёл это различие, используя *Satz* и *Satz an sich* соответственно), Фреге (с его *Gedanke*), а также Рассела и Витгенштейна. С этими замечаниями в целом можно согласиться, но какой вывод из них следует? Цитируем:

При переводе данной книги выбрано употребление термина «предложение» для «sentence», как это принято в лингвистике, и термина «суждение» для «proposition», так как у Карнапа «proposition» употребляется во II смысле, для которого наиболее адекватным является русский термин «суждение» (Стр. 364).

Я согласен с целым рядом замечаний редакторов и комментаторов русских переводов книг А. Чёрча и Р. Карнапа, но относительно термина *proposition* для меня остаётся много неясного. Мне непонятно, почему термин «суждение» с их точки зрения при переводе «согласуется с употреблением в отечественной литературе» или даже «является наиболее адекватным», если к тому же учесть, что никакая литература и содержательные аргументы не приводятся. Ведь соображения вкуса или языковое «чутьё» самого редактора здесь не могут играть никакой роли. Более того, приведённые выше цитаты из Чёрча и Карнапа скорее свидетельствуют об обратном, да и русский термин «суждение», как мне представляется, имеет несколько иную традицию. В пользу своей точки зрения приведу аргументы.

Начну с Чёрча. Как известно, он является последователем Фреге, строя во многом сходную семантическую концепцию. Т.е. в логике он является реалистом, принимая объективное существование смыслов, образующих, согласно Фреге, третью область, отличную как от области окружающих нас вещей, так и от области субъективных представлений⁴. Для Фреге принципиальную роль играло различие суждения (*Urtheil*) и мысли (*Gedanke*), т.е. выраженного суждением содержания. Он рассматривал суждение как переход от *Gedanke* к истинностному значению⁵. А. Чёрч использует термин *proposition* именно как эквивалент *Gedanke*, указывая на то, что он предпочёл его термину *thought*, но не как эквивалент *Urtheil*⁶. Фреге всегда подчёркивал принципиальное разли-

⁴ Фреге Г. Логические исследования. — Томск: Водолей, 1997. — С.38.

⁵ Фреге Г. Логические исследования, С.28.

⁶ Отметим, что подход Чёрча не общепринят. При английских переводах Фреге для передачи *Gedanke* часто используется *thought*. См., например, Frege G. *The Thought: A Logical Inquiry* //

чие *Urtheil* и *Gedanke*, связывая с демонстрацией первого акт утверждения (*Behaupten*), сопровождающегося определённой утверждающей силой (*behauptende Kraft*)⁷. Возьмём, например, следующий пассаж⁸:

В простом равенстве ещё нет утверждения (*Behaupten*); « $2+3=5$ » только обозначает истинностное значение, не говоря о том, какое из двух. Кроме того, если я написал

$$\langle (2+3=5) = (2=2) \rangle$$

и предполагается, что мы знаем, что $2=2$ суть Истина, я тем самым всё ещё не утверждал, что сумма 2 и 3 равна 5; скорее я только обозначил истинностное значение « $2+3=5$ » означает то же самое, что и « $2=2$ ». Нам, следовательно, требуется другой, особый знак, для того, чтобы мы могли утверждать нечто как истинное. Для этой цели я предпосылаю знак «†» имени истинностного значения, так что, например, в

$$\langle \dagger 2^2 = 4 \rangle$$

утверждается, что 2 в квадрате равно 4. Я отличаю суждение (*Urtheil*) от мысли (*Gedanke*) следующим образом: под суждением я понимаю признание истинности мысли.

Нетрудно заметить, что интерпретировать эту цитату, если воспользоваться предлагаемыми переводчиком книги А. Чёрча вариантами, совершенно невозможно. Действительно, может ли русскоязычный читатель составить адекватное представление о взглядах Фреге, ориентируясь на подход, предложенный переводчиком? Да и специалистам также приходится препарировать перевод. А. Чёрча, чтобы передать суть рассматриваемых взглядов, причём не только Фреге, но и самого Чёрча. В качестве примера приведу лишь широко известную работу Н. Д. Арутюновой⁹, которая, ссылаясь на указанный перевод, с точки зрения терминологии передаёт его смысл совершенно иначе, используя при этом кальку «пропозиция»:

А. Чёрч, который стоит ближе всего из современных логиков к идеям Г. Фреге, употребляет термин «пропозиция» в качестве английского эквивалента использованного Фреге термина *Gedanke* «мысль», т.е. в значении смысла предложения, понимаемого уже Фреге не как субъективная деятельность мышления, а как некоторое объективное, независимое от говорящего содержание. Будучи абстрактным объектом, пропозиция, по Чёрчу, лишена того психологического оттенка, который свойственен суждению (*judgment*). А. Чёрч, вслед за Фреге, называет денотацией предложения его истинностное значение. Раз смысл языковых единиц детерминирует их денотацию и может рассматриваться как концепт денотата, то пропозицию следует определить как концепт истинностного значения предложения (стр. 28).

Mind, vol. LXV, No. 259, 1956. При таком переводе вопрос о термине «суждение» снимается автоматически.

⁷ Следует отметить, что терминология Фреге со временем менялась. В частности, в ранних работах он несколько иначе понимает содержание суждения. Приведу важную цитату из письма Фреге Гуссерлю: «В «Основоположениях» я ещё не проводил различия между смыслом и значением. Сейчас в § 97 вместо «осмысленное» я бы лучше сказал «имеющее значение». Кроме того, например, в §§ 100, 101, 102, я бы сейчас не раз заменил «смысл» «значением». То, что я раньше называл содержанием суждения, я теперь разложил на мысль и истинностное значение. Суждение (*Das Urteilen*) в узком смысле можно было бы характеризовать как переход от мысли к истинностному значению» (*Фреге Г. Избранные работы.* — Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997. — С. 155). Нетрудно заметить, что как бы Фреге не понимал идеальное содержание, он всегда явно противопоставлял его акту суждения. Добавим, что под «Основоположениями» имеется в виду *Grundlagen der Arithmetik* (1884), для сравнения см. мой перевод этой работы: *Фреге Г. Основоположения арифметики.* — Томск: Водолей, 1999.

⁸ *Frege G. Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet, Bd. I.* — Jena, 1893. — S.9.

⁹ *Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы.* — М.: Наука, 1976.

О неприемлемости перевода *proposition* как «суждение» на мой взгляд свидетельствует ещё и то, что в русской философской терминологии словом «суждение», как правило, обозначают акт, и несколько реже акт вместе с тем, что в нём выражено. Причём под актом не обязательно понимается конкретное психическое действие. Когда о простых атрибутивных суждениях говорят в рамках философских исследований, то слово «суждение» указывает здесь не просто на формальную субъектно-предикатную структуру, но на процессуальность связи субъекта и предиката. В этом смысле оно используется, например, при интерпретации и переводе работ Канта¹⁰. Так, в рамках классического трансцендентализма суждение отражает структуру рассудочного действия подводящего созерцания под трансцендентальное единство апперцепции. В этих контекстах термин «суждение» ничуть не соответствует тому, что Фреге понимал под *Gedanke*, а вслед за ним Чёрч под *proposition*. Суждение (*Urtheil*) у Канта менее всего подразумевает «абстрактный предмет той же самой степени общности, что и класс, число или функция». Именно для того, чтобы дистанцироваться от Канта, Фреге вводит своё понятие *Gedanke*, которое отражает не «субъективную деятельность мышления, но объективное содержание, способное быть достоянием многих». Схватывание (*Auffassung*), которое Фреге связывает с постижением *Gedanke* («объективного содержания»), будучи по природе интеллектуальным, менее всего соответствует эмпирическому созерцанию, которое, согласно Канту, доставляет содержание *Urtheil*.

Ссылка на Канта в данном случае имеет большое значение. Полагаю, не нужно напоминать, что русская философская терминология становилась под влиянием немецкого классического идеализма, в частности, и немецкой философии XIX века, вообще. В этом случае получается, что предложенный перевод *Gedanke* Фреге с точки зрения *proposition* Чёрча, выражающего смысл этого термина, требует пересмотреть и переинтерпретировать всю русскоязычную философскую литературу конца XIX — начала XX века, в которой используется термин «суждение». Впрочем, это касается не только философской, но и логико-философской литературы, которая, опять таки, и по форме, и по содержанию была инспирирована теми версиями традиционной логики, которые функционировали в немецкой литературе.

Ситуация оказывается ещё более интересной, если мы обращаемся к переводам и интерпретациям англоязычной философии. Если иметь в виду традицию, то термин «суждение» в русскоязычной литературе не только этимологически в большей степени соответствует английскому *judgment*, но и

¹⁰ Для иллюстрации приведу пару примеров из классического перевода *Критики чистого разума* Канта, выполненного Н. Лосским. Характеризуя различие аналитических и синтетических суждений Кант, в частности, пишет: «Первые через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путём расчленения на подчинённые ему понятия, которые уже мыслились в нём (хотя и смутно), между тем как синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нём и не мог бы быть извлечён из него никаким расчленением» (Кант И. Собрание сочинений в 8 томах, Т.3.— М: Чоро, 1994.— С. 47). Ещё более явно процессуальность связи субъекта и предиката обнаруживается в связи с понятием единства апперцепции: «Суждение есть не что иное, как способ приводить данные знания к объективному единству апперцепции. Связка есть имеет в суждении своей целью именно отличить объективное единство ланных представлений от субъективного» (Там же, С. 133).

весьма длительное время используется для передачи последнего при переводе текстов Гоббса, Локка, Юма. Но если в этих контекстах «суждение» соотносимо с *judgment* и *Urtheil* в кантовском смысле, то философия раннего Рассела, которая в значительной степени основана на новейших достижениях логики, вообще оказывается за бортом. Например, в работе *Философия логического атомизма*¹¹, как и в предшествующих ей¹², Рассел, разрабатывая теорию истины, наряду с *proposition* часто использует слово *judgment*. Причём здесь использование *judgment* вполне соответствует кантовскому *Urtheil*, поскольку имеется в виду синтетическая деятельность рассудка, обеспечивающая единство *proposition* с целью оценки последнего как истинного или ложного. Так, если взять выражение «А судит, что *p*», пропозицией здесь будет то, что идёт после запятой, т.е. не акт и ни единство акта с содержанием, но само содержание, как бы различно оно не понималось. Суждение (*judgment*) связывает воедино элементы *proposition*, сообщая последнему новое свойство. К примеру, с точки зрения Рассела, совокупность языковых элементов ««Дездемона», «любит», «Кассио»» получает новое системное свойство (а именно, быть истинной или ложной) только тогда, когда акт *judging* (скажем, принадлежащий *Отелло*), согласно форме *aRb*, упорядочивает их в виде «Дездемона любит Кассио». Ну и как в этом случае различить *judgment* и *proposition*, если и то, и другое переводить как «суждение»?

Подход, предлагающий переводить *proposition* как «суждение», в целом приводит к парадоксальным выводам. Всякое различие между *proposition* и *judgment* в этом случае стирается. Более того, термин *judgment* становится даже более загадочным, поскольку его своеобразие совершенно исчезло бы при предлагаемых подходах к переводам современной английской философской и логико-философской литературы. Ведь очевидно, что переводить его, например, как «мнение», что имеет место в книге Чёрча, совсем никуда не годится.

Нельзя не отметить, что эту тенденцию стремились и стремятся предотвратить. Прежде всего, сошлюсь на первый русский перевод *Логико-философского трактата* Витгенштейна¹³. К особенностям этого перевода относится то, что он не просто был сделан с немецкого оригинала, но и сверен с авторизованным английским переводом, выполненным К. Огденом¹⁴. Это позволяет соотнести немецкую и английскую терминологию с русской, которую избрали переводчики. Здесь можно обнаружить много интересного. Ключевой термин Витгенштейна *Satz* передаётся Огденом как *proposition*, но в русском переводе все его вхождения передаются как «предложение». Здесь можно сослаться на то, что переводчики учли своеобразную изобразительную теорию предложений раннего Витгенштейна, которая не допускает абстрактных сущностей, опосредующих отношение знака к обозначаемому. Но как тогда быть с Огденом, у которого *proposition* по смыслу явно расходится с «суждением».

¹¹ Рассел Б. Философия логического атомизма. — Томск: Водолей, 1999.

¹² Russell B. Our Knowledge of the External World. — London: George Allen & Unwin, LTD, 1926; *Russell B. Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript // The Collected Papers of Bertrand Russell*. — London: Allen & Unwin, 1984.

¹³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: ИЛ, 1958 [перевод с немецкого И. Добронравова и Д. Лахути].

¹⁴ Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. — London: Routledge & Kegan Paul, 1922.

Однако, несмотря на это, *Satzzeichen* (*propositional sign* у Огдена) в русском переводе передаётся как «пропозициональный знак», а *Satzvariable* (*propositional variable*) — как «пропозициональная переменная». Чем бы ни было вызвано это смешение, его смысл явно не совпадает с тем обоснованием, которое мы находим у комментаторов Чёрча и Карнапа. Самое главное, что термины «суждение» и «судит» всегда зарезервированы для *Urtheil* и *urteilt* (*judgment* и *judging* у Огдена), которые в этом случае не теряются, но сохраняют свойственный им и крайне важный для них смысл. Отметим, что это словоупотребление полностью соответствует терминологии Рассела 10-х — 20-х годов.

Необходимо к тому же заметить, что второй английский перевод *Логико-философского трактата*, выполненный Б. Мак-Гинесом и Д. Пэрсом, передаёт *Satz* не как *proposition*, а как *sentence*¹⁵. Это доставляет дополнительные трудности при знакомстве с интерпретациями философии Витгенштейна на английском языке. Такие работы согласно используемому переводу используют то один, то другой термин. Как быть здесь? Опять переводить *proposition* как «суждение», сохраняя при этом «предложение» для *sentence*? Такой подход не просто затруднил бы понимание философии раннего Витгенштейна, он полностью извратил бы её смысл. Я думаю, что это послужило не последней причиной того, почему при переводе на русский английских исследований¹⁶, посвящённых творчеству Витгенштейна, переводчики предпочитают кальку «пропозиция», но не вариант, который совершенно не соответствует духу *Логико-философского трактата*.

Подобное несоответствие всё-таки обнаруживается в некоторых переводах. Я имею в виду, например, недавний перевод книги Б. Рассела *Исследование значения и истины*¹⁷. Здесь Рассел передаёт взгляды Витгенштейна, используя перевод Огдена, к изданию которого он приложил немалые усилия. Но что в итоге получается в русском переводе? *Satz* и *Elementarsatz* Витгенштейна (*proposition* и *atomic proposition* соответственно) становятся «суждениями» и «атомарными суждениями» (стр. 185, 300–302). Можно ли здесь придти к адекватному пониманию того, что имеет в виду Рассел, учитывая, что он часто использует термин *judgment*, который также переводится как «суждение»? О замечаниях, сделанных выше относительно взглядов Рассела, я уже не говорю. Эта несуразница касается не только Витгенштейна, но и терминологии, которым пользовался Венский кружок, взгляды представителей которого также анализирует Рассел. Чего, например, стоит перевод *Protokollsätze* (у Рассела *protocol proposition*) как «протокольные суждения» (стр. 18). Вспомним, что протокольные предложения Венского кружка служат для фиксации непосредственных отчётов об эмпирическом наблюдении, но никак не для передачи «объективного содержания, способного быть достоянием многих», т.е. смысла, для передачи которого и был при переводе Чёрча зарезервирован термин «суждение».

Впрочем, проблем, связанных с соответствием английской и немецкой терминологии при переводе логической литературы на русский язык становится

¹⁵ Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. — London: Routledge & Kegan Paul, New York: The Humanities Press, 1966.

¹⁶ См., например: Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. — М.: Прогресс, 1993.

¹⁷ Рассел Б. Исследование значения и истины. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 [перевод с английского Ледникова Е. Е. и Никифорова А. Л., под редакцией Ледникова Е. Е.]

ещё больше, если учесть работы Д. Гилберта и его учеников¹⁸. Смысл, который передаёт *proposition*, здесь выражен с помощью *Aussage* («высказывание»). Так, например, *Aussagenkalkül* соответствует *propositional calculus*, а *Aussagenlogik* – *propositional logic* и т.п. В результате в переводах мы получаем широкое распространение пар русских эквивалентов: «исчисление высказываний – пропозициональное исчисление» и «логика высказываний – пропозициональная логика» и т.д.. Удивительно уже то, что даже те, кто подобно Е. Е. Ледникову не допускают «пропозиции» в русский язык, тем не менее используют производное от него прилагательное. Но как к этому не относиться, стоит отметить, что здесь никогда не используется прилагательное, производное от слова «суждение». Конечно, следуя редактору перевода Чёрча, можно отметить, что термин «высказывание» имеет нейтральный смысл и может использоваться там, где «суждение» и «предложение» приводили бы к абберациям восприятия (стр. 11), но опять-таки совершенно очевидно, что *Aussage* по смыслу, принятому в этих текстах, не соответствует ни *Urtheil*, ни *judgment*.

Мне кажется, что все эти абберации вызваны путаницей, связанной не только с переводами логической и логико-философской литературы на русский язык. Очень много неясностей было вызвано процессами становления современной логики и невозможностью использования при этом прежней логической терминологии. В этом отношении позволю себе привести обширную цитату из лекций профессора математики стокгольмского университета П. Мартин-Лёфа¹⁹:

То, что является предметом логических операций, обычно называют *propositions* или *propositional functions*, а то, что является предметом действия логических законов, под которыми я имею в виду правила вывода, обычно называются *assertions*. Мы должны иметь в виду, что даже если логический вывод, например правило введения конъюнкции, записан в виде

$$\frac{A \quad B}{A \& B}$$

т.е. в виде, как мы обычно записываем его, он не ведет нас от *propositions* A и B к *proposition* A & B. Скорее, это правило ведет нас от *affirmation* A и *affirmation* B к *affirmation* A & B. Используя нотацию Фреге, мы записываем это в виде

$$\frac{\vdash A \quad \vdash B}{\vdash A \& B}$$

Такое понимание, например, явно просматривается у Фреге и в *Principia*. Таким образом, у нас есть два рода сущностей: сущности, являющиеся предметом действия логических операций, которые мы называем *propositions*, а также сущности, которые мы доказываем, и которые появляются в качестве посылок и заключений в логическом выводе. Такие сущности мы называем *assertions*...

Рассмотрим термин *proposition*. Его источником было аристотелевский термин *protasis* (*Первая Аналитика* и третья часть *Органона*). Цицерон перевел этот термин на латинский как *propositio*, аналогом которого а английском языке было *proposition*, а в немецком *Satz*. В старом смысле данного термина – это то, что мы доказываем. В математике мы выдвигаем *proposition* и сопровождаем его доказательством. В частности, посылки и заключения

¹⁸ Гилберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. – М.: ИЛ, 1947 [перевод с немецкого А. А. Ерофеева, под редакцией С. А. Яновской]; Гилберт Д., Бернайс П. Основания математики (2т.). – М.: Наука, 1982 [перевод с немецкого Н. М. Нагорного, под редакцией С. И. Адяна].

¹⁹ Martin-Löf P. On the Meaning of Logical Constants and the Justification of the Logical Laws // Nordic Journal of Philosophical Logic, vol. 1, n. 1, 1996. – P. 11–60.

в выводе были *proposition* в старом смысле этого термина, до XX века. И это словоупотребление сохранилось в математике, где часто теорема называется *proposition*. Таким образом, имеется два слова для того, что мы доказываем: *proposition* и *теорема*. Термин *proposition* перешел от Аристотеля (*protasis*) и доминировал в логической традиции, а термин *теорема* — от Евклида (*qewthma*). Этот термин доминировал в математической традиции.

С приходом Канта случилось нечто важное, а именно то, что термин *judgement*, немецкий эквивалент *Urteil*, стал употребляться вместо *proposition*. Вероятно, одна из причин этого заключается в том, что в немецком языке просто не существовало слова *proposition* или родственного ему. Соответствующим словом было бы *Lehrsatz*, или просто *Satz*. Но как бы то ни было, в эпоху господства философии Канта и соответствующей немецкой философской традиции слово *judgement* заменило слово *proposition*. Таким образом, в этой традиции *доказательство*, немецкий термин *Beweis*, есть всегда доказательство *judgement*. В частности, посылки и заключения логического вывода — это всегда *judgement*. И именно *judgements*, или точнее, *categorical judgement*, делятся на утвердительные и отрицательные, как ранее делились *propositions*.

Термин *judgement* (греческий термин *crisiz* был переведен на латынь как *judicium* (в итальянском — *giudizio*, в немецком — *Urtheil*). Поскольку оба термина имеют долгую историю, они значительное время использовались параллельно. Традиционный способ соотнесения понятий *proposition* и *judgement* состоит в том, что *proposition* есть вербальное выражение *judgement*. Такое понимание было свойственно схоластам и логикам Пор-Рояля, а также Brentano. Но как только в немецкой философии, начиная с Канта, то, что называлось ранее *proposition*, стало называться *judgement*, этот последний термин приобрел два смысла. С одной стороны, это ментальный акт *of judging*, как и ранее, а с другой, он используется вместо термина *proposition*....

Из ранее сказанного должно быть ясно, что существует различие между тем, что я сейчас называю *proposition*, и *proposition* в старом смысле этого термина. Для того чтобы проследить возникновение современного смысла термина *proposition*, следует сперва рассмотреть деление *propositions* на утвердительные и отрицательные. Таким образом, *proposition*, или *categorical propositions*, делятся на утвердительные и отрицательные. Соответственно, *to judge* означало традиционно, еще до Канта, соединение или разъединение идей в уме, то есть, утверждение или отрицание. Это были традиционные определения понятий *propositions* и *judgement*.... В аристотелевской логике *affirmation* определялось как *proposition*, где нечто, называемое предикатом, утверждалось о том, что называется субъектом. В отрицании предикат отрицался у субъекта. Но именно это определено исчезло в современной логике. Мы не считаем больше, что *categorical judgement* имеют субъектно-предикатную форму, и не рассматриваем утверждение и отрицание симметричным образом. Именно Brentano предпринял решительный шаг по замене аристотелевских форм суждения единой формой

А есть, А истинно, или А имеет место.

Brentano, а вслед за ним Frege, ввел противоположную форму

А не есть, или А ложно.

Далее, вслед за Фреге, современная логика стала базироваться на единой форме *judgement*, или *assertion* — А истинно.

Как только был предпринят этот шаг, возник вопрос, а какого рода вещи утверждаются в *affirmation*, и отрицаются в отрицании? Какого рода эта вещь А? Обособление этого понятия принадлежит, если я правильно назвал это направление, объективистски ориентированной ветви немецкой философии XIX века. Я имею в виду традицию, которая очерчена именами, скажем, Больцано, Лотце, Фреге, Brentano, и учеников Brentano — Штумпфа, Мейнонга, Гуссерля. Хотя, надо отметить, усилиями Гуссерля раскол между объективистской и кантианской ветвями немецкой философии был наконец преодолен. Обособление этого понятия было тем шагом, который был совершенно необходим для развития современной логики. Современная логика просто не может работать без этого понятия, потому что именно над тем, что подпадает под это понятие, совершаются логические операции.

Это новое понятие, которое просто не существовало до XX века, называлась по разному. И поскольку это было нечто такое, что не встречалось прежде, возникали трудности с тем, как его должно называть. Среди используемых имён самым нейтральным был немецкий термин *Urtheilsinhalt*, содержание *judgement*, под которым я имею в виду то, что утверждается в *affirmation* и отрицается в отрицании. Больцано, первым использовавший это понятие, назвал его *proposition in itself*, по-немецки *Satz an sich*. Фреге также столкнулся с этой терминологической проблемой. В *Begriffsschrift* он назвал это *judgeable content*, по-немецки *beurtheilbarer Inhalt*. Позднее, имея в виду своё тройственное членение на *expression*, *sense* и *reference*, он превратил *expression* в *sentence*, по-немецки *Satz*, *sense* превратил в *thought*, по-немецки *Gedanke*, а *reference* — в истинностное значение, по-немецки *Wahrheitswert*...

Рассел использовал для этого нового понятия термин *proposition*, который и стал стандартным в современной логике и англо-американской философии. И поскольку он решил использовать слово *proposition* в этом новом смысле, он должен был использовать какое-то другое слово для того, что мы доказываем и что фигурирует как посылки и заключения в логическом выводе. Его выбор состоял в том, чтобы перевести *Urtheil* не как *judgement*, что можно было бы ожидать, а как *assertion*. Так почему же он выбрал это слово вместо того, чтобы сделать буквальный перевод слова *Urtheil* как *judgement*. Видимо, это было сделано во избежание ассоциаций с кантовской философией, поскольку *Urtheil* был центральным понятием в логике... Таким образом, то, что мы доказываем, в частности, посылки и заключения, уже не *proposition*, но *assertions*. Обратное, то, что мы соединяем посредством логических операций, связок и кванторов, это не *proposition* в старом смысле, то есть то, что Рассел называет *assertions*, а то, что он называет *proposition*.

К замечаниям Мартин-Лёфа добавлю также мнение Дж. Сандхолма, представленное в одном из недавно изданных и на сегодняшний день, пожалуй, в одном из самых авторитетных источников по философской логике в англоязычной литературе. Я имею в виду *Оксфордский путеводитель по философской логике*. Статья Сандхолма не только прослеживает источники употребления и характер заимствования термина *proposition* в современной фило-

софской и логико-философской литературе, но и даёт весьма примечательную оценку такому заимствованию, ответственность за которое возлагается на Рассела. Цитирую²⁰:

Оба подхода к следованию — семантический и синтаксический — имеют аналоги в почтенной логической традиции. Для того чтобы понять это обстоятельство, надо вспомнить об одном из наиболее решительных шагов в развитии логики, предпринятом Больцано в его монументальном труде *Wissenschaftslehre* (*Наукоучение*) 1937 года. Здесь он отказался от традиционной двучленной формы *judgement* и заменил её унарной формой

суждение А — истинно.

Proposition у Больцано являются *Satz an sich* и служат в качестве содержания *judgement*. На самом деле, Фреге использовал *judgeable content* для того же самого понятия. Они независимы от любого *Setzung*, будь то ум или язык, и не принадлежат ни физической, ни ментальной сферам. Они принадлежат платонистской третьей области, и не имеют пространственных, временных или причинных свойств. Они проявляют ту же самую сущность как и *Gedanken* (мысли) у Фреге, т.е. *judgeable content* в облике *Gedanken*. Бертран Рассел совершил худший в истории логики перевод. Рассматривая в *Principles of Mathematics* *Gedanke* как *proposition*, он, вместе в Дж. Муром, который инспирировал использование Расселом этого понятия, ответственен за последующую путаницу. В предшествующей логической традиции термин *proposition* неизменно использовался для разговора о *judgements*, а не об их содержании. Это (неосознанное и может быть даже нечаянное) изменение в использовании термина имело ужасающие последствия для понимания теории вывода.

Эти замечания у непредвзятого читателя оставляют впечатление стойкого недоумения. Что же всё-таки имеет в виду применяемая в логической литературе начала XX века терминология? Можно ли однозначно передать её хоть на каком-то языке? В среде математически ориентированных логиков всё это привело к тому, чтобы чётко различать синтаксис и те аспекты семантики, которые могут включать некоторые неявно принимаемые положения метафизики. Подобную тенденцию прекрасно выразил Х. Карри²¹:

Тройка терминов, употребление которых пришлось пересмотреть, — это *proposition*, *statement* и *sentence*. Термин *proposition* скомпрометирован в глазах многих видных логиков тем, что философы пользовались им крайне туманным образом. Но так как это философское употребление не касается нас, то мы свободны определять и использовать этот термин любым путём, которым мы пожелаем. Сначала я употреблял его в смысле *statement*. Но с написанием стало желательно указывать различие между тем, что утверждается в U-языке, и тем, что только упоминается в нём. Слово *assertion* употребляется здесь для первого, *statement* — для последнего. Это — важное различие, независимо от того, какие взгляды могут быть по онтологии данных понятий. Что касается слова *sentence*, то я использую его как грамматический термин. В настоящее время имеется тенденция использовать это слово во всех трёх вышеупомянутых смыслах, как немецкое слово *Satz*. Но эта тенденция делает изложение скорее менее, чем более точным (Стр. 136).

²⁰ Sundholm G. Varieties of Consequence // A Companion to Philosophical Logic. — Oxford, Basil Blackwell, 2002. — P. 233–249.

²¹ Карри Х. Б. Основания математической логики. — М.: Мир, 1969 [перевод В. В. Донченко, под редакцией Ю. А. Гастева]. Следует отметить, что здесь переводчик использует много калек для терминов, которым нет буквального соответствия в русском языке, например, *inscription* — «инскрипция», *clausa* — «клауза» и т.д.

Те, кто возражают против термина *proposition*, делают это в основном по двум причинам. С одной стороны, этот термин имеет метафизический оттенок, которого они желают избежать, с другой — это туманный термин, тогда как термин *sentence* относительно точен. Эти возражения следует обсудить по отдельности.

Первое возражение, очевидно связано с философскими взглядами того или иного лица. Философы употребляют этот термин довольно таинственным образом. Я допускаю, что я не понимаю, о чём они рассуждают. Но ясно, что эти рассуждения ничего общего с формальной структурой не имеют. Поэтому по отношению к этой структуре термин *proposition* в том виде, как он употребляется здесь, совершенно бессодержателен, и мы вольны использовать его так, как нам нравится. Математики могут использовать и используют в качестве специальных терминов слова, которые употребляются в нематематических контекстах с другой целью. Использование термина *proposition* в математическом контексте не обязывает, если нет желания, постулировать мистические сущности таинственного рода (Стр. 250).

Подход, обрисованный Карри при использовании логической терминологии математиками, с конца 60-х годов следуют и отечественные логики, ориентированные на математику. Особенно отчётливо это проявляется при переводах. В переводе замечательной книги Р. Линдона²², где кратко, но ёмко излагается сугубо математический смысл того, что достигла логика к середине 60-х годов слово «суждение» не используется вообще. *Proposition* всегда переводится как «высказывание» во всех возможных контекстах, например, *algebra of proposition* — «алгебра высказываний» и т.д. Более того, в книге, в которой провозглашается сугубо синтаксический подход и термин «предложение» (*sentence*), рассматриваемое как обозначение базовой, формальной (т.е. состоящей из первоначально не интерпретированных значков) структуры, всегда выступает исходной единицей анализа (это относится как к логике первого, так и более высоких порядков), перевод многих терминов ориентирован на корневую основу, связанную с *proposition*, например, *sentential logic* переводится как «пропозициональная логика», *sentential language* — как «пропозициональный язык» и т.п. Установка на перевод полностью выражена в комментарии переводчика:

Ввиду нереальности проектов всеобщей унификации логической (как и любой другой) терминологии мы даже не пытались согласовать лексикон «Заметок» с другими изданиями по логике и просим читателя все вводимые (курсивом) термины понимать *буквально*, в соответствии с их определениями в тексте (Стр. 7).

Этот же принцип приблизительно с этого же времени (конец 60-х годов) соблюдается во всех переводах логико-математической литературы. Термин «суждение» как перевод *proposition* не найти ни в одной из наиболее значимых публикаций в этой области. Мы не найдём его в русских переводах книг²³ Х. Фрейденталя, С. Клини, Е. Расевой и Р. Сикорского, Р. Фейса и многих других, хотя термин *proposition* в них активно используется. Мы найдём здесь только «высказывание» или «предложение». Согласно замечаниям Х. Карри и Ю. Гастева это

²² Линдон Р. Заметки по логике. — М.: Мир, 1968 [перевод Ю. А. Гастева, под редакцией И. М. Яглома].

²³ Фрейденталь Х. Язык логики. — М.: Наука, 1969 [перевод с английского Ю.А. Петрова, под редакцией Ю.А. Гастева]; Клини С. К. Математическая логика. — М.: Мир, 1973 [перевод с английского Ю.А. Гастева, под редакцией Минца Г. Е.]; Расёва Е., Сикорский Р. Математика метаматематики. — М.: Наука, 1972 [перевод с английского А. Янкова]; Фейс Р. Модальная логика. — М.: Наука, 1974 [перевод с английского под редакцией Г. Е. Минца].

вполне оправдано, поскольку в большинстве из них используется лишь синтаксическая структура, являющаяся элементом некоторого исчисления, вполне соответствующего *Aussagenkalkül* в смысле Д. Гильберта.

Всё это резко контрастирует с безапелляционными заявлениями Е. Е. Ледникова (см. упомянутую ранее дискуссию), которые со ссылкой на перевод книги Чёрча вполне проявились в его примечании к указанному выше переводу книги Рассела *Исследования истины и значения*: «“Proposition” в логической литературе принято с 60-х годов переводить как “суждение”» (стр. 10).

Но, быть может, дело обстоит иначе с переводами логико-философской литературы? Но и здесь не всё так просто. Действительно, в этих текстах метафизическая нагрузка принимаемой семантики как нигде больше связана с пониманием термина *proposition*. Часто в этих случаях, при всём том, что должны быть учтены все возможные нюансы, нивелированные математиками, *proposition* вообще никогда не переводится как «суждение». Это относится, например, к переводу работ ученика Витгенштейна, крупнейшего современного философского логика Г. Х. фон Фригта²⁴. Редактор перевода В. А. Смирнов, касаясь передачи английской терминологии на русском языке, в предисловии пишет:

Остановимся на двух терминологических вопросах, имеющих важное значение. Во-первых, это проблема английского термина «*proposition*». Термин «*proposition*» неоднозначен. Нередко под «*proposition*» имеют в виду само предложение, могущее быть истинным или ложным. В этом случае естественно переводить этот термин русским словом «высказывание». С другой стороны, под «*proposition*» имеется в виду мыслимое содержание предложения, множество возможных миров (полных состояний), в которых оно истинно. В этом случае этот термин естественно переводить как мыслимое положение дел, интенционал предложения, пропозициональный концепт, ситуация, может быть, даже сведения, информация. Дело осложняется в силу того, что пропозициональная логика может иметь различные интерпретации: с одной стороны, она имеет высказывательную интерпретацию, с другой – событийную. Возможно, преимуществом русского языка является то, что он не имеет прямого аналога термина «*proposition*». При переводе, когда не было возможности однозначной трактовки термина «*proposition*», была использована калька «пропозиция».

Второе замечание относится к последовательно проводимому Г. фон Фригтом различению общих (родовых) и единичных пропозиций (стр. 14).

По сходным причинам этот подход с упором на калькирование, т.е. *proposition* почти всегда передаётся как «пропозиция», с середины 80-х годов сохраняется и при издании многих других переводов логико-философской литературы²⁵.

Аналогичная тенденция прослеживается в переводах не только логико-философской, но и философской англоязычной литературы. Ради краткости, для сравнения я взял только последние переводы К. Поппера²⁶. В *Логике науч-*

²⁴ Фригт Г. Х. фон Логико-философские исследования. — М.: Прогресс, 1986 [перевод под общей редакцией Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова].

²⁵ См., например, сборники: Философия, логика, язык. — М.: Прогресс, 1987 [под редакцией Д. П. Горского и В. В. Петрова]; Новое в зарубежной лингвистике (вып. XVIII, логический анализ естественного языка). — М.: Прогресс, 1986 [под редакцией В. В. Петрова].

²⁶ Поппер К. Логика научного исследования. — М.: Республика, 2004 [перевод под общей редакцией Садовского]; Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. — М.: Эдиториал УРСС, 2002 [перевод Д. Г. Лахути].

ного исследования термин *proposition* никогда не переводится как «суждение», последнее используется для *judgment*. «Высказывание» зарезервировано для *statement*, причём даже выражения *synthetic and analytic statements*, имеющие очевидный кантианский источник, переводятся как «синтетические и аналитические высказывания», а не «суждения». Ещё более интересен перевод *Объективного знания*. Здесь «суждение» всегда служит для перевода *judgment*, но в то же время *statement functions* переводится как «пропозициональная функция», что вполне соответствует установкам логиков-математиков, выраженных Ю. Гастевым (см. выше). Но ещё более интересно примечание переводчика Д. Г. Лахути (напомним, что он был одним из комментаторов перевода *Значения и необходимости* Карнапа и одним из переводчиков *Логико-философского трактата*) относительно термина *proposition*:

Английские термины «statement» и «proposition», по существу синонимичные и редко встречающиеся в одном тексте, обычно оба переводятся на русский язык как «высказывание». Там, где они всё-таки встречаются вместе, нам кажется предпочтительнее переводить «statement» как «высказывание», а «proposition» — несколько неуклюжим термином «пропозиция», учитывая, в частности, наличие производного от него прилагательного «пропозициональный» (в таких терминах как «пропозициональная функция» или «пропозициональное исчисление» (стр. 51).

Очевидно, что ни о каком переводе термина *proposition* как «суждение» речи здесь не идёт. И это вполне понятно читателям, знакомым с концепцией третьего мира К. Поппера.

Тенденция, прослеживаемая при переводах логико-философской и философской литературы, вполне очевидна. Отход от принятых в конце 50-х — начала 60-х годов переводов представляется вполне понятным. Действительно, учесть все перипетии трансформации термина *proposition* практически невозможно. С тем же успехом можно было бы для каждого русского философского термина придумывать новое слово, если хоть в каком-то отношении изменился контекст его употребления. Тем не менее, подобный подход всё ещё имеет место. В недавнем переводе сборника работ Д. Дэвидсона²⁷ редактор перевода пишет:

При переводе какого-либо логического термина за основу была взята терминология, использовавшаяся в классических переводах работ по логике, в частности, А. Чёрч «Введение в математическую логику» (1960), Э. Мендельсон «Введение в математическую логику» (1976). Необходимо отметить, что в случаях различного перевода одного и того же термина в работах лингвистов и логиков, выбор осуществлялся в пользу логической терминологии. Так, термины *assertion — statement — proposition — judgement* переданы как *суждение — высказывание* (или в зависимости от контекста — *предложение — предложение — суждение* (контекстуально). В тех случаях, когда термин *proposition* обозначает логический объект, он переводится как «суждение», в прочих — как «предложение» или «высказывание» (стр. 444).

Основное, что можно усвоить из этого примечания заключается в том, что смешалось вообще всё. Как определить, как именно должно переводить тот или иной термин? Ссылка на контекст мало что даёт. Кто должен и, са-

²⁷ Дэвидсон Д. Исследование истины и интерпретации. — М.: Праксис, 2003 [редактор А. Вертенников].

мое главное, как определяется контекст, в котором термин *proposition* должен переводиться как «суждение», а не как «предложение»? Редактор перевода? Вряд ли. Касается ли это только термина *proposition* или также *sentence*? Кто должен определять вхождение термина *sentence*? Опять редактор? Почему бы тогда вообще не все термины или даже слова переводить по своему усмотрению? К тому же в этом издании используется и калька «пропозиция», например, в цитате из Ф. Рамсея (стр. 75). Означает ли это, что, по мнению редактора, Рамсей употребляет *proposition* совершенно иначе, чем Дэвидсон? Самое интересное здесь то, что различие *proposition* и *sentence*, как их не переводи, в подобных текстах, т.е. текстах связанных с разработкой теорий истины, в качестве источника имеющих *Конвенцию Т.А.Тарского*, основаны на различении аспекта выражения и аспекта выразимого, что играет определяющую роль. Можно ли эту определяющую роль усмотреть тогда, когда именно редактор перевода решает, когда тот или иной термин переводить, то, как то, что передаёт аспект выражения, то, как то, что передаёт аспект выразимого. (Здесь допустимость использования термина «суждения» я уже даже не затрагиваю.) Чтобы не быть пристрастным, в качестве иллюстрации приведу цитату не из Д. Дэвидсона, а из С. Крипке²⁸, имеющего дело со сходными проблемами при построения теории истины:

Я следовал обычному соглашению «семантической» теории истины, рассматривая истинность и ложность как приписывание истинностного значения предложениям. Если истинность и ложность первоначально приложимы к пропозициям или другим лингвистическим сущностям, предикат предложений читается как «выражает истину».

Я выбрал предложения [sentences] для первичного способа передачи истинности не потому, что считаю возражение против истинности как первичного свойства пропозиций [proposition] (или «высказываний» [statements]) безразличным для серьёзной работы по истине или семантическим парадоксам. Наоборот, я думаю, что в конце концов тщательная трактовка проблемы может в значительной степени пригодиться при разведении «выразительного» аспекта (соотносящего предложения с пропозициями) и аспекта «истины» (предположительно касающегося пропозиций). Я не исследовал, имеют ли место проблемы, связанные с семантическими парадоксами, когда последние целенаправленно применяются к пропозициям. Главная причина, по которой я целенаправленно применяю предикат истинности именно к лингвистическим объектам, заключается в том, что для таких объектов развита математическая теория самореференции.

Как и кто здесь определит, что должно переводиться как «предложение», «суждение» или «высказывание»? Редактор, ссылающийся на перевод книги А. Чёрча?

Тем не менее, даже если учесть все изменения, коснувшиеся термина *proposition*, его смысл всё-таки сохраняет устойчивое ядро. Я сошлюсь на этот смысл, цитируя перевод совсем недавней книги известного современного американского лингвиста Дж. Лайонза²⁹:

Вопрос о природе пропозиций, с философской точки зрения, является дискуссионным. Но те философы, которые полагают, что пропозиции отличаются, с одной сто-

²⁸ Крипке С. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. — Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2002. — С. 152.

²⁹ Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. — М.: Языки славянской культуры, 2003 [перевод с английского В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского].

роны, от предложений, а с другой стороны, от предложений, вопросов, приказов и т.д., обычно говорят, что пропозиции являются истинными или ложными; их можно знать, в них можно верить или сомневаться; их можно утверждать, отрицать или спрашивать о них; они остаются неизменными при переводе с одного языка на другой (стр. 157).

На вопросы относительно того, можно ли передать все эти смыслы на русском языке одним термином, типа «суждение», или подобрать для каждого смысла отдельный термин, я не буду давать развёрнутый ответ. Возможно, многое здесь будет определять языковое чутьё переводчика. Мне же представляется, что ни то, ни другое. Совершенно не случайно калька «пропозиция» выбрана и при переводе книги Лайонза, поскольку для лингвистики различие аспекта выражения и аспекта выразимого играет первостепенную роль. Вряд ли специалист согласится с тем, что один и тот же термин можно переводить то, как «суждение», то как «предложение». Возможно, скажут, что мнения лингвистов не обязательно должны учитываться философами. Я бы ответил, что совместная работа лингвистов, логиков и философов, в том числе и переводческая, осуществляется уже давно³⁰. Во всяком случае, установка на синтез подходов лингвистики, логики и философии в рамках исследования различных аспектов языка ни у кого вопросов не вызывает. Например, в современной англоязычной философии эта установка является нормой.

Но в отечественных исследованиях лингвистов, например, у представителей московской лингвистической школы, использующих достижения современной логики и философии, практика калькирования уже давно стала нормой. Кальки функционируют наряду с терминологией сложившейся в русском языке. Приведу отрывок из уже цитированной мной книги Арутюновой, из которого вполне ясно, что только с помощью кальки, но отнюдь не «суждения», можно передать нюансы, имеющие значение для исследования языка:

Понятие пропозиции прошло следующие этапы развития: 1) сначала оно соответствовало целостному суждению, как определённой форме мысли, состоящей из модуса утверждения и диктума; 2) затем оно было определено как «объективированное» содержание мысли, отделённое от субъективной модальности и непосредственно соотносённое с обозначаемым «положением дел», как если бы постоянным спутником пропозиции был модус утверждения, а единственным её значением — «портретирование», воспроизведение фрагментов действительности, что позволяло бы пропозиции сохранить связь с истинностным значением; 3) наконец, термин «пропозиция» был применён к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединиться с любым «модусом коммуникативной цели», т.е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта (стр. 34).

Мне представляется, вывод, вытекающий из вышеизложенного, заключается в том, что без калек не обойтись, пусть они у кого-то и режут слух. Действительно, как передать все оттенки различия между *proposition* и *judgment*,

³⁰ См., например: Новое в зарубежной лингвистике (вып. XIII, логика и язык). — М.: Прогресс, 1983; Новое в зарубежной лингвистике (вып. XVII, теория речевых актов). — М.: Прогресс, 1986; Новое в зарубежной лингвистике (вып. XXIII, когнитивные аспекты языка). — М.: Прогресс, 1988.

которые, например, имеет в виду цитированный выше М. Пер-Лёф, если и то, и другое переводить как «суждение». Подход, на котором настаивает Е. Е. Ледников, может привести лишь к ошибочным интерпретациям логико-философских концепций двадцатого века. Я не считаю, что использование калек в каком-то смысле ущербно, особенно если оно способствует терминологической однозначности. По гамбургскому счёту большая часть русскоязычной философской терминологии первоначально представляла собой кальки, которые в конечном счёте перестали резать слух даже у поборников чистоты русского языка. Впрочем, это характерно и для многих терминов современной философии. Никто, например, не возражает против использования терминов «дескрипция», «импликация» или «контингентность». В заключении добавлю, что при переводе современной англоязычной философской литературы на другие языки, например, немецкий или польский, термин *proposition* просто калькируется.

Думаю, не нужно говорить, что столь же спорными являются и другие безапелляционные заявления Е. Е. Ледникова.